

18+

Владимир
Хомичук

Нет,
давай, все-таки
поговорим!

Владимир Хомичук

**Нет, давай все-таки
поговорим! Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Хомичук В.

Нет, давай все-таки поговорим! Сборник рассказов /
В. Хомичук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982534-6

«Это настоящая мужская проза — я с таким наслаждением читаю именно потому, что вы даете возможность видеть мир, пропущенный через мужскую ментальную мясорубку. Прекрасная вещь!» — Мануковская Татьяна.

ISBN 978-5-44-982534-6

© Хомичук В.
© Издательские решения

Содержание

Нет, давай всё-таки поговорим!	6
Если бы да кабы...	11
Трутень	15
Икра чёрная	21
Микросцена 1	23
Микросцена 2	25
Микросцена 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Нет, давай все-таки поговорим!

Сборник рассказов

Владимир Хомичук

Редактор Красоткина Галина

Корректор Галина Красоткина

Иллюстратор Сергей Гриневич

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

Редактор Мария Черноок

© Владимир Хомичук, 2020

© Сергей Гриневич, иллюстрации, 2020

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-2534-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет, давай всё-таки поговорим!

*Если женщина не сдаётся, она побеждает,
если сдаётся, диктует свои условия победителю.*

Карел Чапек

– Нет, давай всё-таки поговорим.

– Алина, ну сколько можно? Я ведь уже раз пятьсот тебе объяснял: мы просто работаем вместе, поэтому и видят нас так часто. В фирме всего три человека. И к тому же я каждый день её на машине в офис подвожу.

– А вот интересно, почему ты не обедаешь дома и предпочитаешь обедать с ней чёрт знает где?

– У нас перерыв почти всегда только час времени, и то от силы. Мы едва успеваем и сразу возвращаемся. А до нашего дома езды минут двадцать, парковку искать – ещё минут пятнадцать. Не уложусь я в час.

– Да? А твою машину почти каждый день видят припаркованной возле её дома.

– Неправда, этого просто не может быть. Иногда, очень редко, я подвожу её домой после работы и она приглашает меня на чашку кофе.

– Да тебя с ней именно в обеденный перерыв возле её дома и видели! И вы целовались!

– Бред сивой кобылы! Что я, болван, что ли?

– Вы – любовники. Ты с ней спишь!

– Нет. Не сплю я с ней!

Глеб поморщился и отвернулся. В последнее время такие перепалки стали у них обыденным делом. Раньше всё было иначе. Высокий, прекрасно сложенный брюнет с зеленоватыми глазами, он всегда нравился женщинам, хотя сам в этом убедился не так уж и давно. Или не осознавал этого, не обращал внимания и вообще не задавался подобным вопросом. Однако пришлось. Алина однажды заявила ему, что сексуального наслаждения с ним не испытывает, что «это» ей не противно, приятно даже, но оргазма она никогда не достигала, ни раньше, ни тем более теперь. «Наверное, я фригидна», – сказала белокурая невысокая женщина с несколько укрупнённым в размерах задом. Она не была некрасивой, нет. Многие находили её даже очень привлекательной, но рядом с красавцем мужем она как-то блёкла, скукоживалась, что ли. Тем не менее Глеб любил её искренне и нежно, хотя женился, как говорят испанцы, «по пенальти», то есть по факту непредусмотренной беременности. Молодые они тогда были, зелёные ещё. А теперь его так обрубили... Под самый корень, что называется. И как следствие – молодой мужчина ударился во все тяжкие.

Не сразу и не вполне осознанно. Поначалу он долго и настойчиво пытался обсудить с женой тему надуманной холодности и припудренной апатии к плотской любви. Предлагал различные варианты, уговаривал сменить рутину, обратиться к врачу, в конце концов. Безуспешно. Тяжеловатая на подъём Алина категорически отказывалась от всех его начинаний и упорно бубнила свою сказку о неизлечимой фригидности. Потом в горячке (а может, и нет) даже выпалила новость о новоиспечённой подруге-лесбиянке и заявила о желании попробовать себя на этом поприще, если уж с мужем у неё ничего путного не выходит. Глеб переживал, маялся, попивать стал с уныния. Такого с ним ещё не приключалось: он с детства занимался спортом и к спиртному прикладывался умеренно, и то лишь по праздникам. В этом тоже Алина с готовностью усмотрела криминал. Муж был без промедлений обвинён в алкоголизме, причём в присутствии маленького сына Вовки, который и раньше служил тяжеловесным орудием дешёвого открытого шантажа в отношении мужа, любившего сынишку (кстати, физическую копию отца) до упомощения. Самое странное в том, что Алина глупой и скандальной

бабой не была, в общем-то. Но и умной её назвать можно было с трудом. Преподаватель русского языка и литературы, с детства выписывавшая в специальную тетрадку изречения знаменитых писателей, она любила их цитировать и стряпать при этом глубокомысленное выражение на лице. Но в принципе ни черта в литературе не смыслила, а в жизни и того меньше, коль скоро переносила изображённых на бумаге героев в реалии повседневной суматохи и превращала их в объекты для подражания. Глебу очень часто приходилось выслушивать рассуждения насчёт того, что «такая-то их знакомая поступает с таким-то неправильно, потому что, как сказал в своё время...». Заумная галиматья, произносимая с выражением одухотворённого лица, свойственного утончённому интеллектуалу.

Вот и сейчас, после очередного «серьёзного разговора» об их отношениях, она вновь попыталась продолжить в том же духе, сидя на диване в их скромной, но со вкусом обставленной квартирке с видом на шумную узкую улочку в старой части города:

– Ты ведь сам всегда говоришь, что для тебя неважно, с кем, когда и при каких обстоятельствах я буду тебе неверна, если это временно, случайно или в заблуждении. Ну, так тебе же ещё больше должно быть всё равно, если я попробую «это» с женщиной. И потом, вспомни Оскара Уайльда, а лучше Вирджинию Вулф.

Глеб собрался было, как всегда в таких случаях, промолчать, но не удержался на этот раз:

– Ну, во-первых, я старался употреблять сослагательное наклонение, то есть говорил не «будешь», а «была бы». Во-вторых, что за дикообразная привычка заменять нормальное слово «секс» мещанским «это»? И третье: ты что, считаешь себя знаменитой писательницей?

– Нет, конечно, но...

– Да пробуй ты своё «это» с кем угодно!

– Так тебе всё равно, что ли? Я так и знала.

– Ну очень женская логика...

– А вдруг именно так и проснётся во мне либидо?

– То есть я должен сейчас дать тебе своё добровольное согласие на измену мне с лесбиянкой во имя возрождения твоего желания к мужу? Нехило! Ну, тогда уж лучше с мужиком...

Глеб ушёл из дома. Сделал это неумело, сторяча, глупо. Заявился в банк, снял со счёта огромную сумму денег наличными под недоуменным взглядом сотрудницы отделения банка, некоторым образом походившей на его жену, пробормотал ей в лицо что-то злое, совершенно несуразное и, не размышляя, отправился в гости к компаньонше. Рассказал всё, напился, расплакался и попросил приютить на некоторое время. Потом выпил ещё и заявил, что любит её и хочет с ней жить. Утром проснулся рядом с роскошным женским телом, ничего толком не помнил, но и так всё было ясно.

За завтраком он впервые познакомился с дочкой Сусанны, десятилетней Наталией, чьи чёрные непослушные кудряшки забавно подрагивали и настойчиво падали на лоб, почти закрывая огромные бурые глаза, когда она с серьёзнейшим видом выпытывала у пришельца, кто он такой, почему заявился на завтрак, почему разговаривает со смешным акцентом и нравится ли ему её мама.

– Очень нравится, потому что у твоей мамы есть такая симпатичная дочка, – решил слукавить и отвлечь девочку Глеб.

– Хитрый ты, но я и так всё понимаю, просто притворяюсь. Я уже много чего о тебе знаю: ты из России, раньше учил маму русскому языку, потом потерял работу в университете и стал помогать маме в фирме, а сейчас влюбился в неё и пришёл к нам жить.

– А ты не против?

– Нет, потому что мама тебя любит, с папой они разошлись, а она ведь красивая! И хорошая. Если не будешь её обижать, то живи с нами.

– Ты уверена, что мама меня любит?

– Да. Разве ты сам не видишь?

– Наташа...

– Меня зовут Наталия. Наташа – это русское имя, а я испанка. Называй меня Наталией.

– Наталия, можно я ещё немного подумаю насчёт того, чтобы жить вместе с вами?

– Думай, только маму не зли, а то я с тобой больше и разговаривать не стану.

– Понял.

– Ну вот.

«Дела!», – призадумался Глеб, попросил прощения и смылся в туалет: надо было спрятаться и как-то обмозговать свалившуюся на голову ситуацию. Очень хотелось пива, голова раскалывалась от боли и шквальных мыслей. «Так можно и тронуться потиху», – пробормотал он себе под нос и вернулся на кухню. Девочки уже не было, убежала на улицу. Сусанна спокойно посмотрела ему в глаза:

– Ну а что ты думал? Надо же было ей как-то объяснить...

– Что-то очень подробно ты ей всё разложила.

– Уж лучше сразу, чем в обход. Она у меня очень смышлёная.

Высокогрудая брюнетка с испепеляющим взглядом гордо откинулась на спинку стула.

– Я несколько выпил вчера... – промямлил Глеб.

– Но вёл себя достойно, по-мужски, – заискрилась в улыбке Сусанна, показывая пальцем в сторону спальни. – Успокойся, Глеб! Разберись сначала с самим собой, с женой и сыном, а потом уж поговорим всерьёз. Мы с тобой далеко не юнцы уже, такие решения не принимаются впопыхах. Не буду я тебе больше напоминать о твоих ночных словах, не волнуйся.

Глеб помолчал, с умоляющим видом попросил пива, выпил и тяжело вздохнул. Домой он, конечно, вернулся. Выслушал очередной разнос и отдал снятые в банке деньги. С тех пор и начались его скитания по чужим домам, ночные кувыркания в машине со всякими... ну просто всякими женщинами и девицами. Любовниц он завёл себе сразу три, включая Сусанну. Само собой как-то вышло. Отлучённый от семейного ложа, измождённый недостатком женской ласки тридцатилетний мужчина и усилий-то особых не прилагал к поиску внебрачных сексуальных контактов: женщины сами к нему липли. Просто укладывали под или на себя. Ханжой он не был, не сопротивлялся и не утверждал, что ему это не нравится. Глеб давно заметил, что в Испании женщины гораздо свободнее в своём поведении, чем в его родной стране, где в советские времена на молодых девушек набрасывали своего рода паранджу, сотканную из дурацких табу и недостатка сексуального воспитания вперемешку с нехваткой противозачаточных средств. Здесь же слабый пол был более активен в своей инициативе, не переступая при этом определённую грань между здоровым желанием обрести наслаждение и пошлостью.

Между тем скандалы в семье стали неотвратимо нарастать. Впервые было упомянуто слово «развод». Глеб не находил себе места. Подолгу смотрел на Вовку, печалился и не знал, куда деваться. «Ну и что мне делать теперь? Половому остракизму себя предать, что ли? И сохранить семью, сына вырастить, а потом уж уйти?»

Несмотря на свои похождения и определённую симпатию, граничащую с более глубоким чувством, к Сусанне, он всё ещё любил свою жену. Алина иногда позволяла ему приближаться, отдавалась безмолвно и с выражением святости на лице. Он же испытывал искреннюю радость даже от её прикосновений к своему телу, втайне надеясь, что всё-таки пробудит когда-нибудь в жене и желание, и страсть. «Блин, все тётки, с которыми я был и есть, получают удовольствие, а эту я люблю, но удовлетворить не могу. Чертовщина какая-то!» Ему и в голову не приходило, что Алина его не любит, просто придумала эту любовь, ещё в юности сделала себе очередную инъекцию вычитанных в книгах чувств. Вышла замуж, родила сына и на этом временно успокоилась. Но, оказавшись в другой стране и обнаружив его сногшибательную притягательность в глазах испанок, она позволила проснуться в своей душе зверю под названием «ревность». И тут начитанная особа оплошала, решив ещё больше привязать к себе мужа совершенно идиотским, ну очень русским способом: меньше постели, больше заботы о сыне.

Его привязанность к Вовке, обожание сынишки она использовала нелепо и при каждом удобном случае. Когда Глеб по пятницам после работы заходил в бар у подъезда их дома и попивал сухое красное вино, там обязательно минут через пятнадцать нарисовывался Вовка и заявлял:

– Папа, пошли домой. Мама сказала, что ты слишком много пьёшь.

– Нет, сын, я не пью много, только вот рюмку вина себе позволяю в конце недели. Возвращайся домой, я приду через пять минут.

– Хорошо, папа. Обещаешь?

– Да, Вовка. Разве я тебя когда-нибудь подводил?

– Нет.

Отношения с сыном были замечательными. Они дружили, проводили вместе много времени, играли в теннис по выходным, а когда шли по улице, то прохожие, завидев их, невольно улыбались: эдакие близнецы, большой и маленький, да ещё и с совершенно одинаковой походкой. Как-то, подъехав к колледжу сына на своём чёрном «Крайслере» (предмете гордости несколько тщеславного в этой теме Глеба и зависти знакомых), чтобы забрать Вовку после занятий, отец с удивлением обнаружил на его заплаканном лице огромный фингал под левым глазом.

– Кто? – коротко спросил Глеб.

– Старшеклассник один, – всхлипывая, промямлил Вовка. – Но кто, я тебе не скажу.

– Боишься, что ли?

Вовка насупился и ничего не ответил. Дома малыш поведал ту же короткометражку маме. Алина стала готовиться к вояжу в кабинет директора, но под рёвом Вовки и протестами Глеба сдала позиции. Глеб выждал недели две и вернулся к больному вопросу:

– Вовка, все мужчины рано или поздно попадают в такие передраги. Ничего страшного в этом нет. Тебе драться надо научиться. Хочешь, я запишу тебя в секцию кикбоксинга?

– Туда, куда сам ходишь? И перчатки мне купишь, как у тебя? – Глаза юного бойца загорелись.

– Конечно, куплю. Ты какие хочешь, красные или синие?

– Красные. Только... Что мы маме скажем? Она говорит, что драться – это плохо.

– Одно дело драться, другое – защищаться.

– Правильно, папа. Так и скажу, чтобы честь свою и дамскую защищать!

– Где это ты про дамскую честь набрался?

– Так мама же мне книжки всякие про эту самую дамскую часто читает.

– Ну, на том и порешим, сынок.

Прошёл год. Вовка и в спорте оказался похожим на отца. Тренировался с энтузиазмом и детской настырностью. Не зря, как оказалось. Глеба с Алиной однажды вызвали в колледж. В кабинете директора с ноги на ногу переминался довольно-таки крупный верзила с огромными фонарными «бланшами» под двумя глазами и разбитой губой. Рядом стоял угрюмый Вовка. Глеб выслушал историю хулиганского поведения сына с затаённой улыбкой в глазах.

Но в последнее время и с сыном начало что-то происходить непонятное. Это «что-то» было едва уловимым, но Глеб стал ощущать во взгляде сына какое-то вопросительное отчуждение. В секцию мальчик ходить перестал, сославшись на нехватку времени. Часто опускал голову, отказываясь от разговора или совместных игр на компьютере. Глеб не выдержал и спросил однажды:

– Что с тобой, Вовка?

Молчание.

– Сын, что-то не так?

Опущенная голова, потупленный взгляд.

– Вовка, что я тебе сделал?

Сын вдруг пробубнил:

– Мне ничего, маме.

– Сынок, речь сейчас не обо мне и маме, а обо мне и тебе. Ты что, меня больше не любишь?

– Не знаю, папа. Мама мне про тебя столько всего рассказала!

После этого разговора события разворачивались в наступательном направлении сами по себе. В городе объявился закадычный друг Глеба по имени Сэнди. Приятельствовали они давно, ещё с институтских времён. Были абсолютно разными, но умели находить общий язык. Сэнди был самым заядлым бабником на факультете испанского языка в далёкие студенческие годы и обладал непредсказуемым чувством юмора. Любил выпить, и тогда его уже было не остановить. От его натиска не укрывалась ни одна из избранных жертв женской половины общежития, где они с Глебом обитали в одной комнате. В Испанию он приехал вслед за приятелем, по уже проторённой дорожке, как он сам и выражался. Однако потом перебрался на южное побережье, где занялся, и довольно успешно, бизнесом с недвижимостью. Сейчас прибыл по делам и зашёл в гости. В этот же день к Алине приехала та самая подруга-лесбиянка, о которой она когда-то повествовала мужу. Высокая, плотная, мужеподобная Асусена была торжественно представлена Глебу и Александру, то есть Сэнди – как его все друзья называли, да и сам он в забывчивости или из-за куража часто так представлялся. Глеб к этому моменту уже успел рассказать ему о своих затруднениях в семейной жизни. Реакция Сэнди в очередной раз подтвердила его истинную сущность:

– Да какая мне разница, пьём всё, что горит, и трахаем всё, что шевелится.

За обедом, проходившим в напряжённом молчании, он вдруг встал и торжественно объявил, обращаясь сугубо к женщинам:

– Нет, девушки, давайте всё-таки поговорим. Но сначала выпьем. За вас! За вашу небесную красоту и неповторимое очарование!

Впоследствии обе дамы были опьянены и обольщены. Проснулись они вместе с Сэнди в одной кровати в самом шикарном отеле города. Так лесбиянка стала бисексуальной, Алина избавилась от фригидности, а Глеб подал на развод и перестал изменять Сусанне, с которой теперь живёт в простом счастливом гражданском браке.

Если бы да кабы...

Встретились они спустя двадцать пять лет после расставания. Конечно, изменились очень сильно и переживали, какое впечатление вскоре обрушат друг на друга, по-детски волновались и прихорашивались перед зеркалом в преддверии свидания. Артём ходил теперь, опираясь на деревянную палочку. Давалось ему это нелегко, но обнаруживать свои затруднения в ходьбе он не собирался. Поэтому за месяц до назначенного дня записался в спортзал и усиленно тренировался передвигаться без трости. Не преуспел. Хотя немного приосанился, держался гораздо прямее, научился втягивать живот. Франческа специально сходила в парикмахерскую, сменила причёску в попытке хоть как-то приукрасить поредевшие за столько лет волосы, сделала приемлемый для её возраста макияж, обновила гардероб. В принципе, осталась довольна собой. Сейчас она сидела в том самом баре, где они так часто бывали в своё время, пила кофе и нервно тербила салфетку дрожащими пальцами, то и дело поглядывая на входную дверь. И вот она открылась рукой Артёма.

«О боже! Как же он постарел и раздался в ширину, да ещё и хромает», – заскулила мысль-собака в голове.

Вошедший в бар седоватый мужчина лет пятидесяти пяти с тростью неловко поправил очки на переносице, оглядел зал и направился к стойке.

На этот раз собака завывала: «Какой ужас! Он меня даже не узнал! Неужели я подурнела до такой степени?»

Он узнал её, ещё бы нет. И был настолько сбит с толку безжалостным художником по имени время, что решил схитрить, спрятаться на миг, прийти в себя. Ситуация была более чем глупой. Она сидела за столиком в углу небольшого зала, а он стоял к ней спиной.

Наконец женщина подала голос:

– Хватит прикидываться олухом, Артём. Мы так и будем торчать здесь весь вечер, делая вид, что не знаем друг друга?

Артём обернулся, опять поправил очки и направился к столику. Подошёл к привставшей из-за стола черноволосой, привлекательной, хотя и несколько кривоногой женщине. Они расцеловались в знак приветствия, прикасаясь губами к щеке, как это принято в Италии.

– Здравствуй, Франческа! Извини, я просто новые очки купил по случаю. Ещё не привык к ним...

– Внешне ты, как и я, не помолодел, конечно. Но врёшь, как и раньше, лихо. Я же видела по твоим глазам, как ты ошалел от при... увиденного. Ой, чуть не сказала «привидения».

– А ты всё так же жонглируешь словами в поисках комплимента. Ну что ж, ты прекрасно выглядишь, дорогая! Особенно мне нравится твоя причёска. Очень привлекательная.

– Садись уже, лстеец масляный.

Артём присел, попросил подошедшего официанта принести ему кофе с коньяком.

– Будем вспоминать или заново знакомиться? – спросил у собеседницы.

– Давай вспомним, нам так будет легче освоиться, а потом перейдём в непознанное.

Жить вместе они стали в первый же день знакомства. Франческа просто осталась у него на ночь после дискотеки, на которую затащила недавно приехавшего в Милан русского парня, и не покидала квартиру в течение трёх лет.

Квартира эта была съёмной, обитали там ещё трое русских друзей Артёма, так что поселилась Франческа в его тесной комнатухе, где стояла лишь большая двуспальная кровать. Из мебели больше ничего не было. А их это и не смущало вовсе. Они даже ели иногда прямо там, в перерывах... Влюбились оба по уши, сразу, без предисловий. Особенно она. Артём был женат, но супруга осталась в России до того, когда он устроится на новой земле и будет в состоянии пригласить и содержать её с маленьким сыном. Он сразу в этом признался Франческе,

но то ли после выпитого в припадке удовольствия виски, то ли от прикосновений в танцах к молодому женскому телу напрочь забыл или заставил себя забыть об этом. Как позднее он признался своему другу:

– Я ж и предположить не мог. Думал, так, лёгкая интрижка на одну ночь.

– Ага, на одну. Вы же, во-первых, не вылезали из комнаты все первые выходные напролёт, а потом устраивали такие шоу каждую ночь, что даже я, старый бабник, диву давался, – ответил Алекс, который действительно слыл большим пройдохой в амурных приключениях.

– Какие шоу? О чём ты?

– Да хотя бы настенное зеркало вспомни, которое ты из салона к себе в комнату умыкнул, а потом разбил.

– Не я его утащил, и не я расколол.

– А кто?

– Франческа.

– А зачем разбила?

– Так она это... уж слишком ногами болтала в кровати, а зеркало установила напротив, для обзора.

– Лихая искусница.

Именно этот курьёзный случай и припомнился им сейчас в начале долгого, доверительного, искреннего разговора об их юности и взаимной любви. Говорили открыто, смеялись, подначивали друг друга. Это был диалог, состоявший из длинных монологов. Так само собой получилось. Наверное, оба очень ценили каждое услышанное слово. После неизменных в таких случаях «А помнишь?» и «Как тогда, когда» Артём закинул удочку:

– Ну, кто начнёт первым?

– Тот, кто спрашивает.

– Что ж, я не против, коль скоро ты выступила инициатором нашей встречи, теперь мой черёд. Может, вопрос какой-нибудь задашь для рывка?

– Почему у нас с тобой тогда ничего не получилось, Артём? Мы ведь по-настоящему любили друг друга. Мне так кажется. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Позволь мне быть абсолютно откровенным.

– Неужели буду одарена такой честью? Хотя раз с твоей стороны.

– Будешь. И не перегибай. Я почти всегда был искренним с тобой.

– Искренность и откровенность – не одно и то же.

– Согласен. Постараюсь их воссоединить.

– Я слушаю.

– Полюбил я тебя, дорогая, потому что был сражён твоей виртуозностью в постели. Не протестуй. Это правда. Без пошлятины. Это уже потом во мне проснулся интерес к твоей подоплёке, личности и увлечениям. Но сначала я пал жертвой удивления и животной страсти. С женой, бывшей уже, кстати, и другими женщинами до брака всё происходило не так. Чопорно, что ли, скованно и механически. Ты ведь не занималась любовью, ты питалась ею, вооружалась и неистовствовала. С годами я понял, что это естественно, так и следует наслаждаться тем, что у нас есть. Но поначалу просто обалдел. От любви плотской.

– А у меня всё приключилось несколько иначе. Мне очень нравилось, как ты говорил, изъяснялся, высказывал своё мнение. Один звук твоего голоса чего стоил. Он меня притягивал наподобие магнита, завораживал, не отпускал. Как же я ревновала тебя к любой, с кем ты общался! Мне казалось, что вместе с каждым услышанным словом, они крадут у меня часть тебя. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– На него частично только что ответила ты сама. Переборщила ты, Франческа, со своей ревностью и настойчивостью в просьбах о разводе. Кроме жены, у меня был маленький сын.

Воспитан я был традиционно. Просто не мог решиться на предательство. Именно так мне представлялась идея развода по отношению к ребёнку. Испугался я, в общем.

– Постой, минуту назад ты что-то сказал о жене бывшей. Значит, всё-таки развёлся?

– Это она со мной развелась. Почему? Помнишь, я начал работать в экспортном отделе довольно-таки известной фирмы, специализировавшейся на выпуске таксофонов? Ну так вот, после твоего ухода из квартиры и приезда моей семьи меня отправили в длительную командировку в Южную Африку. Там я и подцепил какой-то редкий вирус. Он влияет на миелиновую оболочку спинного мозга. Поэтому я и прихрамываю сейчас. Но мне ещё повезло: передвигаюсь всё-таки на своих двоих. А в госпитале я провалялся полгода. С работы меня уволили. Жена тем временем решила заняться бизнесом. Занялась, усиленно. Но не бизнесом, а сексом. С каким-то биржевым дилером, потом с его боссом. Рога у меня выросли большие, развесистые. Ну, впрочем, не мне её в чём-то упрекать. Потом развелась со мной, выскочила замуж и укатила на Сицилию, где и обитает, наверное, по сей день. Впрочем, я не в курсе, никакого контакта мы не поддерживаем.

– А с сыном?

– Э нет, давай теперь ты рассказывай. Может быть, потом вернёмся к этой теме.

– Я уехала из Милана сразу после разрыва с тобой. В Турине как раз объявили конкурс на замещение нескольких административных должностей в мэрии. Я подала документы, попала на экзамене и прошла. Так что теперь я государственный чиновник. По крайней мере, обрела, что называется, уверенность в завтрашнем дне. А то устала совсем перебиваться случайными заработками. Ты ведь помнишь, надеюсь, как я давала частные уроки английского языка и считала каждую копейку. Сейчас у меня собственная квартира. Вот, покажу фотографии. Уж очень хочется похвастаться.

– Ну, очень по-женски. А давай. Даже интересно.

Франческа достала из сумочки мобильный телефон, нашла фотографии и принялась описывать каждую из них подробно, с затаённым восхищением, словно речь шла о музейных достояниях, а не банальной стандартной мебели из «Икеи» и кафельной отделке в ванной комнате.

– Прекрасная квартира. И обставила ты её с большим вкусом. Н-да. Но меня интересуют больше... гм... другие аспекты твоей жизни.

– А вшивенький всё о баньке. Ясно. Насчёт личной жизни? Замуж я не вышла. И не хочу. Не нравятся мне попадающиеся кандидатуры. Сморчковые какие-то все, самомнительные. То веду я себя нескромно в гостях, то одеваюсь не так. Один мне даже заявил, что расцветка моего нижнего белья вызывающая. А я ему: «Что-то у тебя она не особо вызывает». Или обжоры сплошные, строящие из себя гурманов. Готовлю я, видите ли, не очень! Да ну их к чертям собачьим. Не сложилось, в общем. Так, встречаюсь иногда с кем-нибудь. Часто вспоминаю тебя, гадкого. Квартиру вот отделявала, а у самой комнатуха наша задрипанная перед глазами.

– Я, кстати, выкупил ту квартиру и сейчас живу в ней. Переделал, правда, внутри. Вряд ли бы ты её теперь узнала.

– Ой! Может, покажешь? Или это слишком нагло с моей стороны?

– Нагло, но именно это мне в тебе нравится. Поехали!

– Чуть позже, не спеши. Допей свой коньяк и расскажи о сыне: ты обещал.

Артём кашлянул, как будто подавился, осунулся весь сразу.

– Вообще-то я зарёкся говорить об этом. Больно делается, нехорошо становится. Но тебе расскажу немного. Отпустило уже почти, к тому же. Сын мой видеть меня не хочет, обзывает подонком и вешает трубку, если я ему звоню. Ему было одиннадцать лет, когда его любимая мать развелась со мной. Прикрывая тылы, моя бывшая супружница обвинила меня во всех смертных грехах. Я и пьяницей был, и развратником, и домашним дебоширом. Детский ум воспринял всё дословно – я превратился в негодяя.

- От сучка!
- Не ругайся, тебе это не идёт.
- Паршивка драная. Вот если бы ты тогда сам её бросил, когда я настаивала, твоя жизнь сложилась бы иначе. Лучше.
- Сына я бы всё равно потерял.
- Зато остался бы со мной, и со временем мы вместе объяснили бы ему.
- Этого никто не знает. Как говорится, зарекалась баба в сортир не ходить.
- Что?
- Ничего, это я так, к слову. Может, всё-таки закажем такси и поедem уже?
- К тебе домой?
- Ну да. Ты же сама напросилась в гости.
- Щас позвоню в таксопарк.

Вскоре они отправились на окраину Милана, в скромный район, где жили в основном рабочие, студенты и мелкие служащие. Ехали довольно долго: улицы города были нашпигованы машинами, как консервная банка шпротами. Почти не разговаривали на этот раз, только иногда поглядывали друг на друга. Франческа улыбалась. Артём морщил лоб. Как-то ближе они стали в маленьком автомобиле. И уже морщины на лице спутницы не казались такими очерченными, и глаза сияли взбалмошным светом, губы притягивали карминовым позывом. Таксист притормозил, Артём рассчитался. Они вошли в квартиру на втором этаже.

- Ух ты, надо же! – вскрикнула Франческа, переступив порог.

Действительно, интерьер был заменён полностью. Ранее узкие коридорные проходы стали гораздо шире, окно в огромной гостиной занимало почти полстены, стало светлее и просторнее. На стенах висели картины современной живописи, мебель была добротной, из настоящего дерева.

- А вот интересно, что ты сотворил в нашей комнате, – воскликнула гостя, распахивая дверь. – Ой...

Она даже рот приоткрыла, так забавно, по-детски, что Артём прыснул от смеха. Внутри комнаты ничего не изменилось, стояла одинокая большая кровать. Всё как раньше, как много лет назад. Только стены были выкрашены в девственный белый цвет. Даже пододеяльник остался тот же, старенький уже, поблёкший от многократной стирки. Франческа простояла, внимательно рассматривая узоры на нём и вспоминая их, минуты три. Потом подошла к кровати, присела, протянула в призыве руку к Артёму и пробормотала:

- Так о какой любви ты там талдычил мне весь день? Плотской?

Трутень

Мила производила впечатление девушки покладистой, мягкой и добродушной. Недаром её называли Милой. И с виду располагала к себе: на округлом лице всегда таилась застенчивая улыбка. Только взгляд её иногда выдавал. Лениво-злбный, нехороший, завистливый. Младшая из двух сестёр, она с детства привыкла к потаканию, заботе и снисхождению. Невысокого роста брюнетка с несколько раздавшимся задом – черта семейная, наследственная, наверное, ведь и сестра отличалась весомыми размерами в данной части тела, – Мила тем не менее пользовалась несомненным успехом у мальчиков, парней, а затем мужчин. Но замуж долго не могла выйти. Не складывалось как-то. Что-то отпугивало претендентов. А сестра вышла. С помощью Милы.

– Дура ты, Зинка, – сказала она однажды сестре, – хоть и старшая, но ничегошеньки не понимаешь. Потеряешь ты Стаса, если не привяжешь.

– То есть как это привязать? Он конь, что ли? – спросила Зина и наигранно округлила в удивлении глаза.

– Пока ещё жеребёнок, потом жеребцом станет. И понесётся за кобылками. Они знаешь как на него уже смотрят?

– Что ты такое говоришь? Мы любим друг друга!

– А я и не сомневаюсь. Только предосторожность не помешает.

– О чём ты?

– Ой, да не строй ты из себя глупышку. Сама знаешь.

– Что я знаю?

– Залететь тебе надо. Не обязательно по-настоящему. Просто ему сказать, что беременна. И посмотреть, как он отреагирует. Потом сделать аборт. Якобы. Пострадать некоторое время. Прокрутить этот трогательный фильм ещё несколько раз и в конце концов объявить страшную новость о заключении врачей.

– Каком заключении?

– О том, что если ещё один аборт, то детей у тебя не будет...

– И?

– И он на тебе женится. Обязательно женится. Он же у нас такой хороший, честный. А то и пригрозить можно.

Этот разговор между сёстрами состоялся, когда они ещё учились в школе. Старшая заканчивала последний, десятый класс. Младшая трепыхалась в восьмом. А между ними, в девятом, блистал Стас. Круглый отличник, активист, прекрасно сложенный спортсмен. Увлекался иностранными языками. Все прочили ему незаурядное будущее. А он комплексовал... Потому что жил в далёкой захудалой деревне, потому что одевался более чем скромно, потому что родители были малообразованны, потому что... Много самых разных крючкова-тых «потому что» роилось в голове юного шатена, стыдившегося своего происхождения. Да и с девчонками ничего у него путного не выходило. Он их попросту боялся. Опять же из-за собственных, дурацких, придуманных самим же собой комплексов. Так что когда старше-классница обратила на него внимание, он моментально влюбился. Зина не походила на состря-панный в голове образец женской красоты, была некоторым образом громоздка, особенно к низу, но сам факт её заинтересованности в нём сразил неопытного мальчика наповал. Он был готов на всё ради своей первой, конечно же, единственной и неповторимой любви. Вот только взгляд... не её, младшей сестры – почему-то напрягал время от времени.

Когда после первого в жизни, неизъяснимо сладкого и притягательного сексуального опыта Стасу было объявлено о залёте, он не испугался вовсе, нет, искренне обрадовался даже. Но удивился: сообщила ему об этом Мила, оговорившись о том, как несчастна старшая

сестра. Стас бросился на поиски возлюбленной. Прибежал к ней домой, постучался в дверь. На порог выдвинулась будущая теща... и понеслось. Громогласная речь сопровождалась бурными придыханиями и энергичными жестами возмущения. Выступление (или наступление) было обставлено в лучших советских традициях. Несколько раз было упомянуто выражение «мужская честь» и почему-то школьное начальство. Стас, неумело защищаясь, по-дурацки заявил о своих самых серьёзных намерениях. И получил неожиданный ответ:

– Да тебе сколько лет, молокосос сраный? Какая свадьба в семнадцать? Вот что, сделаем пока Зине аборт, срок-то ведь всего ничего, и у меня знакомая врачиха есть, по блату без шума оформит всё. Но на будущее смотри, не забывай об этих самых намерениях!

Как раз в это время сбоку нарисовалась Мила со своим отвратительным взглядом и застенчивой улыбкой.

Составленный ею сценарий разыгрывался блестяще несколько лет подряд, всегда при её невидимом участии. После окончания школы Стас без особых потуг поступил в Ленинградский политех на факультет программирования. Одновременно записался на курсы французского языка. Зина пробилась на учёбу в университете в том же городе. Они продолжали встречаться. Мила тоже вдруг проявила необъяснимый интерес к новым компьютерным технологиям. Стас между тем стал в институте комсомольской шишкой. Делегированная в Северную столицу маман обеих сестричек настоятельно попросила его замолвить за младшенькую словечко в деканате, что он и сделал. Словечко помогло – недалёкая в точных науках Мила успешно сдала все экзамены. Затем Стас устраивал её в общежитие и пробивал стипендию. О незапланированных беременностях и последующих абортах с натужным отчаянием в дрожащем голосе Стасу сообщалось примерно раз в год на протяжении четырёх лет. Делали это сестрицы поочерёдно. Последнюю новость о погибшем в чреве молодой матери плоде и опасениях за здоровье Зинаиды произнесла тяжёлая артиллерия в облике той самой врачихи, сварганившей справку о первом аборте. Так что на последнем курсе последовала очередная беременность, на этот раз настоящая, и ни о чём не подозревавший Стас сделал Зине предложение.

На страну в это время свалилась перестройка. Пока одни советские граждане ратовали за ускорение и гласность, а другие в злобе сжимали зубы и готовили отступные пути, Стас решил свалить из разваливавшейся системы за бугор, во Францию. Возможности для этого у него были: в институт как раз приехала группа французских студентов по взаимнообмену, и ему пообещали прислать приглашение. Но через пару месяцев после их отъезда обещанный официальный документ так и не пришёл. То ли новоиспечённые друзья забыли, то ли почта оплошала. Скорее всего, последнее, ведь один из них написал-таки ему письмо, заверяя в том, что приглашение отослано. И тогда Стас решился на безумный и крайне рискованный шаг – обмануть ОВИР. Он сам написал себе приглашение, вложил в конверт, полученный из Франции, и подал заявление на оформление туристической визы. Н-да, в системе действительно царил полный перестроечный бардак, потому что это сработало. Визу ему выдали, он уехал, сумел оформить себе вид на жительство в небольшом городке неподалёку от Парижа и через некоторое время вызвал жену. Зина приехала грустной. Уверяла, что безмерно счастлива, но тут же обмолвилась о бедной сестре, которая тоже мечтает выехать на постоянное место жительства за рубеж. Стас первый раз в жизни насторожился: тень младшенькой вновь замаячила в его жизни. Как бы то ни было, она несколько поблёкла и отодвинулась на некоторое время в сторону, так как Зинаиде пришлось лечь в больницу: молодая женщина была на сносях. Вскоре родился белобрысый мальчик. Назвали его по настоянию роженицы Жориком, в честь тестя. Стас настолько обрадовался появлению сынишки, что преподнёс Зине воистину королевский подарок – оформил ипотеку на небольшую квартиру в центре города. Далось ему это нелегко. Ещё бы: эмигрант без году неделя. Но похлопотала фирма, в которой он работал, там его по-настоящему ценили. Да и поручитель нашёлся – тот самый приятель, конверт от письма которого Стас уже использовал для переезда во Францию. Так что после роддома сияющая

от счастья Зина внесла новорождённого в их собственную квартиру. Совместная жизнь стала набирать довольно счастливые обороты. Жорка подрастал, они обставляли на свой вкус квартиру, Стас купил старенький «Опель». В общем, всё шло хорошо. До определённой поры.

Начало этого кризисного периода ознаменовалось доставкой курьерской почтой извещения из банка о задолженности в выплате ипотечных взносов. Стас смотался в банк и вернулся домой с распечатанным счётом.

– Зина, извини, пожалуйста, но не могла бы ты объяснить, откуда взялись эти умопомрачительные цифры на погашение международных телефонных звонков, – начал Стас спокойно, с трудом сдерживая свою ярость. Он уже выяснил, куда и кому звонила супруга. Даже общую длительность всех звонков рассчитал. Выходило 23 часа с гаком только за последний месяц.

– Ой, ну что? Мне уже и с сестрой родной поговорить нельзя, что ли? – капризно трагическим тоном ответила Зина. В последнее время она ещё больше раздобрела в телесных формах. И краситься стала как-то аляповато.

– Можно, конечно, но я не представляю, о чём можно трещать сутки в месяц.

– Какие сутки? Мы и говорили-то совсем немного.

Стас протянул ей квитанцию телефонной компании. Выражение лица Зинки с базарного возмущения свернулось в плаксивое.

– Стасик, я всё верну, вот приедет Мила, станет присматривать за нашим маленьким, я устроюсь на работу и с первой же зарплаты стану штопать эту прореху, любимый.

– Не прореха это, а дыра, любимая. Боюсь, как бы она не превратилась в долговую яму... Пстой, что ты сказала? Приедет Мила?

Зина ответила, что они с сестрой уже обо всём договорились, только надо приглашение выслать. Умоляюще посмотрела на мужа и долго ещё тараторила о необходимости помочь бедняжке, присовокупляя к этому своё собственное желание иметь больше свободного времени и найти работу. Стас не нашёл в себе сил перечить любимой жене и её доводам, пообещал подготовить документы. Вскоре так и сделал. Прошло несколько месяцев, и в квартиру величавой поступью вошла Мила. С огромным животом. Сёстры бросились обниматься и целоваться, лепетать слова радости и взаимного обожания. Рядом стоял с полуоткрытым ртом Стас.

– Ты чего пасть разинул, Станислав? Даже не поздоровался, – с ехидцей в голосе обратилась вдруг к нему Мила.

– Привет. Как добралась... добрались? – стушевался Стас, не отрывая взгляда от вздутого пуза свояченицы.

– Я тоже очень рада нашей встрече. Да, я беременна и скоро выхожу замуж! – вздёрнула подбородок Мила.

Стас пробормотал какое-то не совсем членораздельное поздравление, взял в руки огромный чемодан новоприбывшей и поволок его в комнату к Жорику. К приезду Милы он установил там ещё одну кровать. В голове у него гроыхало канонадой: «Вот это номер!»

С этого дня он, вместе со своими мыслями, тревогами и заботами, отодвинулся на второй план в новой семейной жизни. Его замечали как бы изредка, и то только в финансовом смысле. Пышнозадая Мила целиком и полностью завладела управлением их быта. Прикрывалось данное единовластие заботой о Жорике и проблемами беременной женщины. Потом она родила девочку, и в квартире объявился новый жилец. Вернее, два: прибыл жених Милы. Его появление стало знаменательным. Высокорослый хлыщ дебилоидного вида, войдя в квартиру, произнёс:

– Здравствуйте, дорогие хозяева и моя будущая супруга! А где сфабрикованная мной малышка?

– Спит она, не ори, Виталик! – прошипела Мила.

Обладатель этого имени наклонился для поцелуя и прошептал ей на ухо:

– Ладно, посмотрю ещё. А ты вот что, покажи-ка мне квартирку пока. А то столько депеш с её описанием понаприсылала, что мне аж нестерпимо.

– А! Ты о картинах... – громким вдруг голосом ответила Мила, поворачиваясь к стене салона, где висели работы друзей Стаса, молодых русских художников.

– Ну да. Очень интересуюсь современным искусством, так сказать.

От Стаса не укрылась несуразность этого странного диалога, вернее, того, что он смог расслышать, но он промолчал и жестом пригласил гостя к столу.

Так и стали они жить – вшестером в небольшой по размерам студийной квартире. Стас не смог отказать Зине в её настоятельных просьбах о предоставлении убежища бедным родственникам, уж очень он любил её и сына. К тому же она говорила о подмоге только на первых порах. Однако засилье квартиры затянулось. Уже и не понять было, чей это семейный очаг. На Стаса легли основные денежные расходы по содержанию осевших в доме оккупантов. Зина действительно устроилась на работу, но на Лазурном побережье, экскурсоводом для русских туристов, валом поваливших на Запад. Так что она часто уезжала, а в летний период, с мая по октябрь, вообще перебиралась в Ниццу, где снимала комнату. Денег она на общий счёт не перечисляла, привозила иногда какие-то гроши, ссылаясь на дороговизну курортного жилья. Мила нигде не работала, оправдывая свою лень необходимостью ухаживать за детьми. Виталик, ничего не умеющий делать детина, перебивался случайными заработками на каких-то стройках. Стасу пришлось искать дополнительные финансовые ресурсы. Он начал подрабатывать в частном порядке – форматировал новые и чинил старые компьютеры на дому у случайных клиентов. По вечерам, после работы. За что и поплатился. Возвратившись однажды поздно вечером домой и доставая входные ключи, он услышал крикливый голос Милы, которая разговаривала по телефону:

– Алло! Говори громче, тебя плохо слышно!

– — — — —

– Да говорю же тебе, нет его. Он вообще по вечерам дома не бывает.

– — — — —

– А хрен его знает. Сама у него и спроси. Только скажу тебе одну вещь, Зинка: от него женскими духами стало часто пахнуть. Разными, кстати. Наверняка завёл себе целое стадо любовниц, пока ты там на побережье вкалываешь.

Стас ворвался в квартиру, хотел поговорить с женой, но младшенькая второпях положила трубку. Принялся объясняться с Милой, наткнулся на молчание, откровенно враждебный взгляд и опостылевшую застенчивую улыбку, скривившуюся в презрении.

С этого момента Стас вступил на путь войны. Он не собирался больше терпеть трутневые происки вконец зарвавшейся Милы. Сражение было яростным, долгим и изнурительным. Капель, переполнившей чашу терпения, стала поломка недавно купленной, новёхонькой стиральной машины. Придурковатый Виталик решил постирать своё исподнее, перепутал ячейки для отбеливателя и стирального порошка, аппарат не выдержал такого хамства и дал дуба. Сутуловатый верзила лишь по-идиотски разводил руками, стоя на кухне в клетчатых трусах жёлтого цвета, не в состоянии объяснить или признаться в причине поломки. Стас в тот же день выгнал его и Милу к чёртовой бабушке. Поступил при этом, не теряя достоинства: позвонил знакомым, сдававшим квартиру внаём, и попросил об услуге (всё-таки у родственной парочки был маленький ребёнок). Уходя, Мила разоралась похуже базарной торговки, кричала что-то про то, что Стас ещё пожалеет и она обязательно вернётся в «свой дом». На следующий день Стас отвёз сынишку в школу, вернулся домой и наткнулся на распахнутую входную дверь. Он тут же понял, что в дом караульным манером была вызвана на подмогу старшая сестра, то бишь его жена. Зина не стала даже слушать его объяснений, с порога вылила на него ушат грязи, принялась обвинять в невоспитанности, бесчинстве, бесчувствии, потом в изменах, пьянстве и рукоприкладстве. Он, оказывается, шатался по бабам, часто напивался вдреизг, а вчера избил

бедного Виталика, по-скотски выставил маленькую девочку на улицу под дождь, а Милу обругал матом. Вся тирада закончилась требованием вернуть сестрице и её семье домашний кров. Стас наотрез отказался.

– Тогда я подам на развод! – завопила Зинка.

– Подавай хоть на развод, хоть на разъезд или разлёт.

«Пресловутый квартирный вопрос, перенесённый из России во Францию каким-то бестолковым образом на крыльях банальной сестричкиной алчности», – так думалось Стасу в преддверии бракоразводного процесса. Он не находил другого объяснения развалу собственной семьи и не понимал поведения жены. «Хотя если учесть приписанные мне пороки, то в глазах Зины я настоящий монстр. А, дери их леший!»

По решению судьи семейное жилище переходило в руки матери-опекуна их несовершеннолетнего сына до факта его последующего после учёбы трудоустройства и финансовой дееспособности. Затем квартира должна была поступить в продажу на паритетных условиях. Стандартная резолюция, против которой Стас не имел ничего против. Ему до того всё осточертело, что он молча собрал манатки и переехал в блок апартаментов недалеко от своей работы. С его стороны бой закончился. Он желал лишь одного – сохранить нормальные отношения с сыном, которого обожал до умопомрачения. Но жилищная баталия на этом не завершилась. Зинка через некоторое время опять укатила на море, и в квартиру вернулась Мила вместе со своим табором. В её полку прибыло: она опять разродилась. И вообще, её, что называется, понесло на этой почве. На следующий год она, как крольчиха, произвела на свет ещё одного отпрыска. Неизвестно, в каких целях умножалось потомство. То ли на почве безграничной любви к Виталику, что крайне сомнительно, принимая во внимание её командное руководство незадачливым увальнем, то ли желанием укрепить оккупационные позиции. Ведь выселить из квартиры многодетную семью на Западе не так-то просто. Как бы то ни было, между сёстрами стал потихоньку назревать конфликт. Он, как фурункул, год от года наливался гноем и грозил прорваться. Постепенно Зина начала уставать от навалившихся теперь на неё расходов по содержанию прибеглых. Да ещё в здании затеяли ремонт, за который свою долю должен был вносить каждый из владельцев жилья. Мила заявила, что если и начнёт выплачивать квоту за установку нового лифта в доме, то только на условиях будущей передачи квартиры в её единоличное пользование. Зина прикусила губу, а вместе с ней и надорвавшуюся любовь к младшенькой. Жорик вырос, уехал работать в Париж. Сама она появлялась в городке лишь изредка и давно перестала ощущать себя хозяйкой в квартире. Пришло время продавать недвижимость. Но Мила встала на дыбы. Она категорически отказывалась покинуть жильё.

– И ты вот так просто собираешься выставить родную сестру с детьми на улицу?

– Мила, но ведь у тебя есть муж, в конце концов. Пора бы и ему уже позаботиться о собственных детках.

– Ну и сучка же ты, Зинка!

– Я просто собираюсь получить свою долю с продажи квартиры.

– А мне за поддержание порядка в ней на протяжении стольких лет ничего не причитается?

– Но ведь ты здесь жила на всём готовеньком...

– И за воспитание твоего сына, между прочим, во время твоих постоянных отлучек!

– Ну, знаешь ли.

– Знаю, знаю, чем ты там на пляже, кроме работы, занималась.

Две дружные сестрички вконец разругались. Прошло полгода, и они начали судиться: Зина, заручившись согласием Стаса, продала квартиру, а многодетная мать Мила опротестовала её действия в суде. Ничего из этого не вышло, сёстры стали заклятыми врагами и по сей день не разговаривают друг с другом.

Ну а Стас... Он недавно встретился с очень интересной женщиной. Испанкой. Они разговорились об искусстве, иностранных языках, литературе, философии. Прощаясь, условились о новой встрече. И тут Стас вдруг спросил:

– У вас есть младшая сестра?

Икра чёрная

Денег стало катастрофически не хватать. Надо было что-то делать. Андрес предложил привезти из России кучу чёрной икры и продать знакомым владельцам баров и ресторанов. Уверял, что со многими из них уже разговаривал и заручился обещаниями в немедленном сбыте продукции. С рук на руки, что называется. Вообще-то Андрес – это Андрюха Кузнецов, мой студенческий однокашник и закадычный друг. Именно с ним мы сорвались с советских просторов и оказались в Испании. Здесь я и переименовал его в Андреса, на кастильский манер. Он всегда был более пронырливым, чем я, в меркантильных делах. Хотя и отдавало от его коммерческой деятельности потугами мелкого торговца, но до барыги Андрес не скатывался. Обдeldывал он свои делишки с неподражаемой улыбочивой физиономией, которая заставляла подельщиков враз проникаться к нему доверием.

– Тачку только вот надо бы добыть. Лучше всего ехать на машине с иностранными номерами. Меньше мороки на границе, да и подвязки у меня на таможне есть. Может, поговоришь с Хуаном Карлосом, он же к тебе того... неравнодушен, – сказал Андрес, обращаясь ко мне со своей знаменитой, по-детски наглой, но открытой улыбкой.

– Достал уже своим ухаживанием и намёками, – мрачно отозвался я. – Даже Марию Хесус полураздетую пришлось в ванной прятать на днях, когда он заявился в гости поздно ночью.

– Ну да. Я ж её и прятал. Но щас не об этом. Надо воспользоваться его... заинтересованностью в тебе. Не упустить шанс, так сказать, – опять улыбка симпатяги.

– Ох и врежу я тебе когда-нибудь, губошлёпу!

Жили мы с Андресом вместе на съёмной квартире, где обитало ещё несколько человек. Работали тоже вместе в частном языковом колледже преподавателями. Колледжем заправлял Хуан Карлос – запавший на меня пузатый сморчок с залысинами. Одним из методов его оболыщения была попытка поймать меня на увлечении автомобилями и желании получить водительские права. Он не раз предлагал мне сесть за руль своего чёрного бумера. Удержаться от соблазна я не мог и вскоре действительно научился водить довольно сносно. Но на права пока ещё не сдал. Так что даже если и удастся уговорить влюблённого афериста насчёт машины, надо будет искать водилу. Именно это соображение я и выложил предприимчивому Андресу, настаивавшему на поездке. Тот решил всё просто и быстро. Переговорил с Хорхе, братом своей испанской пассии, сманил его перспективами посещения постсоветской Москвы и дополнительным заработком, а меня отправил с той же миссией к Начо – моему ученику английского языка и другу, мечтавшему побывать в России, где в девяностые годы, по его мнению, зарождалась новая демократическая жизнь. Так у нас объявились два водителя. Вопрос с машиной тоже решился совершенно легко. Хуан Карлос просто запросил двадцать пять процентов с общей суммы продажи икры. Любовь-морковь, в общем.

В путь отправились не рано утром, как планировали, а после обеда: Андрес всё утрясал какие-то торговые вопросы. В этом в какой-то мере и крылась наша ошибка: путь-то предстоял немалый, мы собирались пересечь пол-Европы на машине – Францию, Германию, Польшу – до Беларуси, где мы раньше жили с Андресом. Так что Францию пришлось проезжать ночью. Именно поэтому на какое-то время за руль сел я: договорились не напрягать наших испанских водителей, тем более что автострада казалась лёгкой для водителя-новичка – прямая такая дорожная лента без изгибов и резких поворотов. Я был доволен даже: за рулём, на крутой машине, по Европе. Андрес сидел рядом на переднем сидении, включил негромкую музыку, испанцы дрыхли сзади. Ехали мы небыстро, спать не хотелось, ничто не предвещало опасности. Всё шло чин чинарём до подъезда к Лиону. Андрес пустился в своё любимое занятие – стал цитировать Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова. Но на фразе «Вчера котов душили, душили...» резко замолк и заорал от боли:

– Уй, блин!

Удар пришёлся как раз в правую сторону автомобиля, где сидел он. Дело в том, что я переехал на другую полосу, чтобы выбраться из почему-то образовавшегося затора, но спустя минуту впереди нас совершенно неожиданно вырос перевернувшийся грузовик. В попытке избежать фронтального столкновения я крутанул руль влево, но всё-таки врезался боком. Бедолага Андрес выбил башкой треснувшее от удара переднее стекло и приземлился плечом на асфальт. Я шибанулся грудью в руль и дышал с трудом.

– А что случилось? В чём дело? – загалдели едва проснувшиеся ополоумевшие испанцы, на которых не наблюдалось ни единой царапины.

Мы выбрались наружу и поспешили на помощь Андресу, распластанному напротив и тихо постанывавшему. Тут же подъехала машина скорой помощи, раненого осторожно подняли и положили на носилки, нас всех сопроводили внутрь и повезли в госпиталь. Перед выходом, то есть его выносом, мой покалеченный товарищ проскулил, обращаясь к Хорхе:

– Приедет полиция, скажем, что за рулём сидел ты: у Влади и прав-то нет. Не хватало нам ещё судебного разбирательства.

Хорхе замялся, его опередил Начо:

– Машину вёл я, как раз моя очередь была.

Я благодарно посмотрел на своего ученика и пожал ему руку.

Нас поместили в палаты, меня с Андресом – в одну, испанцев – в другую. Удивительная страна Франция. Удивительные люди. К нам отнеслись как к давно знакомым молодым сорванцам, с симпатией и даже лаской. Есть всё-таки нечто исторически общее в двух культурах и характере обоих народов, русского и французского. Над нами нежно подтрунивали, и нас холили как младенцев. Разговаривали мы с медицинским персоналом на каком-то тарабарском языке. Это была гремучая смесь английского в моём скромном исполнении, немецкого, на котором изъяснялся вздутыми губами Андрес и одна из медсестёр, картавого испанского со стороны некоторых врачей, отдельных русских фраз из песен Окуджавы в полупонятной интерпретации уборщицы, жестов, улыбок и кивков.

Микросцена 1

Медицинская палата во французском госпитале. На кровати лежит Андрес с загипсованной правой и примотанной бинтом к подвесному треугольнику левой рукой, к которой подсоединена капельница. Под правым глазом у него огромный бордово-синий фингал, губы разбиты и вздуты, еле шевелятся. Рядом сижу я и пытаюсь понять, что он мне силится сказать. Заходит медсестра, красивая такая жгучая брюнетка, и говорит:

– Ну, мальчики, как самочувствие? Чем могу помочь?

– Сш... ха-а-а, – отвечает Андрес, двигая бульдозерным ртом, потом реагирую я на английском: – Он чего-то целое утро просит, а я не могу понять.

– Ой, я английский нихт, вот джёрман – йес.

– Бм... ришт, – настаивает Андрес с выпученными глазами и облизывает губы, учащённо дышит.

– У меня такое впечатление, что он просит у вас поцелуя, – выдаю я на русском и с ухмылкой смотрю на товарища. Тот отрицательно мотает головой, но улыбается, глядя на медсестру.

– А-а-а! Потцелуй. Уй! Высотский, – неожиданно реагирует девушка на знакомое русское слово и подходит к кровати, нагибается, чтобы исполнить желание страждущего. Тот в последний момент уклоняется и тычет ей носом в грудь, как дятел. Медсестра отскакивает, вздёргивает в испуге руки, и из её нагрудного кармана на пол падает пачка сигарет.

– Я! Я! Я! – рычит больной, затем облегчённым голосом довольно сносно артикулирует: – Дас ист рихтих.

– Да он просто курить хочет, – радостно заливается смехом медсестра на своём родном языке. Эту фразу понимаю даже я, так как французский глагол «курить» почти созвучен своему испанскому родственнику. Потом она округляет глаза, с подозрением смотрит на дверь, но согласно махает рукой: – Бистро! Бистро!

Я прикуриваю и засовываю сигарету Андресу в рот. В его глазах светится счастье.

Пробыли мы в госпитале с неделю, пока Андрес отходил от ударов, восстанавливал сломанную ключицу и нарушенную речь. За это время нас всех тщательно обследовали, у меня ничего серьёзного не обнаружили, испанцы были целы и румяны, как спелые яблоки. Нам с Начо пришлось съездить в полицию, опознать машину с выбитым передним стеклом и приплюснутым боком без фары, ответить на вопросы и переговорить по телефону с хозяином бумера – Хуаном Карлосом, сыпавшим через слово матюками. Через пару дней в госпиталь явился инспектор полиции и сообщил нам, что по условиям достигнутой договорённости между двумя страховыми компаниями машина будет эвакуирована в Испанию и передана владельцу, а нам обеспечивается бесплатный проезд либо в город выезда, либо в пункт назначения прерванной в результате ДТП поездки. Ответ необходимо было дать немедленно. Мы собрали экстренное совещание у Андреса в палате, где тот настоял на необходимости продолжения нашего экскурса. Его доводы были весьма основательны: Хуан Карлос уже настаивал на оплате ремонта машины, так что изначальная потребность в деньгах крайне обострилась. На том и порешили. Сообщили об этом полицейскому, договорились о вылете в Варшаву через Париж: авиарейсов в Минск ещё не существовало в то время. Сказали, что из Варшавы доберёмся на поезде до Минска. Инспектор всё записал и удалился, упомянув перед уходом, что как только билеты будут оформлены, он поставит нас в известность. Вот так – прощай, гостеприимная Франция.

Варшава встретила нас замызганной серостью аэропорта, а затем шипением привокзального шныряющего туда-сюда люда. В этой стране гостеприимностью и не пахло. К нам, русским, по крайней мере. Пока мы определялись с поездом, кто-то постоянно подходил и что-то предлагал, мы отнекивались как могли, вежливо и корректно, тогда шипение становилось

зловонно-агрессивным и неприглядным. За полчаса до отхода поезда в здании железнодорожного вокзала раздался оголтелый хохот и послышались испанские восклицания. Приунывшие Начо и Хорхе, длинноволосый курчавый брюнет и коротко стриженный блондин, встрепенулись, завертели, аки наседки, головами в поисках земляков, определили их местонахождение и отправились обниматься. Вернулись, сказали, что приглашены в бар неподалёку на рюмку вина за встречу, и ушли. Больше мы их в тот день не видели, они просто пропали. А поезд между тем уже тронулся. Мы сидели в вагоне, недоумевали, но предпринять ничего не могли. Так и доехали одни до Бреста. Пришлось выходить. Что же делать? Андрес стал названивать своим таможенным «подвязкам». Через некоторое время к нам подошёл молодой пограничник.

– Нашлись ваши оболтусы. Они там в Варшаве чуть ли не политическую демонстрацию устроили с группой туристов из Мадрида. Все пьяные вдрабадан. Завтра приедут утренним поездом.

Мы облегчённо вздохнули. Теперь стоило переждать ночь. Но это не проблема: в Бресте у меня жили родители. Мы вышли на улицу, остановили такси. Уселись и услышали знакомый мне до боли родной голос:

– Куда поедет? К мамке или ко мне? – Сюрпризы продолжались. Таксистом был мой старший брат Славка.

Занимательные колёса, однако, у судьбы-судьбинушки: с братом мы не виделись с тех пор, как он ушёл в армию лет пять назад, и вот те раз... Поехали мы, конечно же, к родителям. Отметим встречу и рано утром сорвались за испанцами, которых привели на вокзал пограничники с автоматами наперевес. На наших сотоварищей жалко было смотреть. С серыми от бодуна лицами они испуганно косились на оружие. Но завидев нас, ожили и расплылись в облегчённой улыбке. Мы все обнялись и под смешки развернувшегося к выходу конвоя двинулись покупать билеты в Минск, где у Андреса осталась отцовская квартира. В столице Беларуси мы пробыли всего день, за который Андрес навёл справки и подтвердил свою ранее оговорённую «предпринимательскую» идею – за икрой надо было ехать в Москву, на Арбат.

Знаменитая улица, ставшая в настоящее время одним из популярных мест среди иностранных туристов, обладающая глубокой культурной историей, где до сих пор живут старые московские интеллигенты, воспетая в стихах и песнях, в шальные девяностые годы прошлого столетия походила на барахолку. Здесь можно было купить всё или договориться о покупке чего угодно, от нижнего белья до предметов искусства. Так Начо открыл для себя новую русскую демократическую действительность в самом своём зародыше. Смотрел он на этот базар в центре города с нескрываемым удивлением. Хорхе лыбился и взмахивал руками. Как бы то ни было, интересующий нас деликатес продавался на каждом шагу, так что набрали мы икры ну очень много. Товар был закуплен. В тот же день, после экскурсионной поездки по московским достопримечательностям, организованной заботливым Андресом для наших испанских поделльников, мы отправились в обратный путь.

Микросцена 2

Минская квартира ночью перед возвращением в Испанию. За столом сидит Андрес. Стол завален прославившимися во всём мире чёрными с синей этикеткой стеклянными баночками. Андрес берёт их по одной, внимательно осматривает каждую с помощью настольной лампы, затем аккуратно заворачивает в обрывок газеты и делает пометку на калькуляторе. Вхожу я.

– Ну что? Купил билеты? – спрашивает меня упаковщик.

– Да. Поезд Москва – Берлин – Париж, отправление завтра в 10:30 утра, отдельное купе.

– Нормалёк. Садись, помогай. Надо каждую обернуть, чтобы не звякали и не разбились.

– Угу. А где иберийские молодцы?

– В спальне. Спят. Ждать от них помощи в данном производственном процессе – утопия, легче корову оседлать.

Выдержал я часа два, потом сдался и рухнул на диван. Неугомонный предприниматель не отступил. Утром он меня расталкивает и указывает пальцем на выстроенные у стола четыре огромные спортивные сумки, набитые банками зернистой чёрной икры вперемежку с одеждой. Выдерживает паузу и торжественно оглашает:

– Пятьсот шестьдесят восемь.

– Чего пятьсот? – оторопело смотрю я на него.

– Товарных единиц. Иди и буди этих двух идальго: на поезд пора.

Ночью на границе между Польшей и Германией нас арестовали. Подвела одна стеклянная баночка. Но не икры. Заботливая мать зачем-то сунула мне в чемодан банку зернистой домашней горчицы вместе с неизменной курицей в дальнюю дорогу. Она стояла на столике и привлекла внимание немецкого пограничника. Он стал что-то спрашивать, грозно нахмурившись и тыча пальцем в банку. Из всей неблагозвучной белиберды я различил лишь слово «дроген», произнесённое множество раз.

– Подозревает, что это наркотик. Спрашивает, есть ли ещё, – пояснил мне оторопевший Андрес.

Я отрицательно замотал головой и пробубнил знакомое по фильмам про фашистов слово «нихт». Но немец не сдавался и принялся проверять багаж. После обследования злосчастных спортивных сумок была вызвана полиция, нас обвинили в контрабанде, застегнули на запястьях наручники и повели в ближайший полицейский участок. Меня и Андреса – пешком по улицам Берлина, испанцев почему-то посадили в машину и повезли отдельно. Той ночи я в жизни не забуду. Обращались с нами как с настоящими преступниками, злодеями, осквернившими своим появлением бравую немецкую землю. Приказы отдавались лающими головами, если мы не реагировали (я – потому что не понимал ни бельмеса, Андрей – от испуга, наверное), нас толкали и пинали. Всунули в камеру временного задержания, закрыли дверь.

Микросцена 3

Тюремная камера в бывшей ГДР, совсем недавно воссоединившейся с ФРГ. На полу стоит одинокая железная кровать без матраса. На ней, соорудив из одежды подобие подушки, лежит Андрес: ему выпало спать первым. Я сижу на краю и ошалело читаю надписи, выцарапанные на кирпичных стенах. Через некоторое время просыпается Андрес.

– Ложись теперь ты, братик. Твоя очередь передохнуть перед допросом и тевтонскими пытками.

– Неа, я всё равно не засну.

Андрес смотрит на меня, некоторое время молчит, потом спрашивает:

– А чё ты уставился в одну точку шизоидным взглядом?

– Смотри, что тут написано.

– Где?

Я показываю. Андрес читает. Спать он уже больше не может. На одном из кирпичей начертано по-русски: «Пацаны, отомстите за нас немчуре, они нас в задницу отделали».

Дверь открывается. Нас вызывают на допрос.

Допрашивали всех поодиночке. Передо мной предстали рыжий толстяк и поджарая блондинистая дамочка средних лет, походившая на облезлую селёдку. Толстяк задавал вопросы, фрау переводила, тоже спрашивала и записывала. Я, по предварительной договорённости с Андресом, косил под беднягу, попавшего в аварию во Франции по дороге в отпуск на чужом автомобиле, ремонт которого необходимо было оплатить по возвращении в Испанию. Именно этот несчастный случай якобы подвиг нас на авантюру с икрой. Толстяк понимающе кивал, задавал уточняющие вопросы, даже хмыкал сочувственно. Продолжалось это довольно долго, час с лишним. В конце перекрёстного допроса женщина вылезла из-за стола и протянула мне бумажный лист для «вознокомления», как выразилась эта рыбина. Я взял бумагу и увидел текст, написанный по-испански от руки. Незнакомым мне почерком описывалось, как два русских подговорили своих испанских приятелей отправиться с ними в Россию для закупки контрабандного товара, количество которого было определено заранее. Документ подписал Хорхе.

Я всё отрицал, подписывать что-либо отказался и был сопровождён обратно в камеру, где меня уже дожидался угрюмый Андрес: его обработали быстрее. Рассказал про свой допрос, стал расспрашивать товарища о его варианте. Почти как под копирку, только подпись Начо. Про икру нам сказали, что она конфискована властями. Никакого акта о конфискации мы в глаза не видели. В тот же вечер матёрых контрабандистов отвезли на другую сторону Одера и вышвырнули из машины. Стояли мы Андресом, смотрели, как через пограничный мост туда-сюда проходят люди, не знали, что делать дальше. Решили прошмыгнуть в толпе обратно в Берлин и как-то двигать домой в Испанию. Не знаю, что нами двигало, отчаяние, скорее всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.